

О. М. КОВАЛЕВСКИЙ И ЕГО ДНЕВНИКИ¹

OSIP KOWALEWSKIY' DIARIES

Р. М. Валеев

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан. Российская Федерация*

И. В. Кульганек

*Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург.
Российская Федерация*

В. Ю. Жуков

*Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный
университет, г. Санкт-Петербург. Российская Федерация*

О. Н. Полянская

*Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Республика
Бурятия. Российская Федерация*

Р. Г. Федорченко

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан. Российская Федерация*

Аннотация: Статья посвящена научной деятельности российского и польского востоковеда-монголоведа Осипа Михайловича Ковалевского (1800/1801 – 1878), заслуги которого перед мировой наукой огромны. Являясь прекрасным знатоком монгольского языка, монгольской культуры и истории, он написал ряд фундаментальных трудов по буддизму, литературе и языку монгольских народов. Ему принадлежит французско-русско-монгольский словарь, востребованный специалистами до настоящего времени. При нем была открыта первая в России и Европе кафедра монгольской словесности в Казанском университете, которую он возглавлял на протяжении более полутора десятилетий.

¹ *Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00209-ОГН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев»).*

Также внимание уделено эпистолярному наследию ученого, его неизданным архивным материалам, хранящимся в архивах Казани и Санкт-Петербурга, в том числе впервые вводимым в научный оборот. К ним относятся письма, дневники, научные труды О. М. Ковалевского.

Abstract:

The article is devoted to the academic works of Russian and Polish Oriental and Mongolian studies scholar Józef (Osip Mikhailovich) Kovalevsky (1800/1801 – 1870), whose contributions to the world science are enormous. Being a brilliant expert in Mongolian language, culture and history, he authored quite a few fundamental works on Buddhism, as well as literature and language of Mongolian peoples. He is the author of the French-Russian-Mongolian dictionary, which is widely used by professionals even today. He contributed to the opening of the Department of Mongolian Philology in Kazan University, which he was in charge of for more than a decade and a half. Some attention is also devoted to the epistolary legacy of the scholar, his previously unpublished archival materials, which are stored in the archives of Kazan and St. Petersburg, including ones introduced into the academic discourse for the first time. These include letters, diaries and academic works of J. Kovalevsky.

Ключевые слова: востоковедение, монголоведение, О. М. Ковалевский, Казанский университет.

Keywords: Oriental studies, Mongol studies, Osip Kowalewski, Kazan University.

Ковалевский Осип (Иосиф) Михайлович, Ковалевски Юзеф Щепан, Kowalewski Józef Szczepan – российский ученый, педагог и просветитель польского происхождения, филолог и историк-антиковед, востоковед-монголовед и буддолог, один из основоположников научного университетского монголоведения в России и Польше [1].

О. М. Ковалевский занимался изучением истории, языков, литературы и этнографии монгольских народов. Автор первых словарей, учебных

пособий для научного изучения монгольского народа, научных трудов по буддизму. Первая научная работа «Сообщение о жизни и письмах Лонгина» опубликована в 1822 г. Был кандидатом Казанского университета (1820 или 1821 г.). Заведовал первой в России и Европе кафедрой монгольского языка, открытой в Казанском университете (1833–1855 гг.). Профессор (1835–1860 гг.) и декан историко-филологического факультета (1837–1841, 1845, 1852–1855 гг.) этого университета, Варшавской главной школы (1862–1869 гг.) и Варшавского университета (1869–1878 гг.). Ректор Казанского университета (1855–1860 гг.). Член-корреспондент по разряду истории и словесности азиатских народов (с 22.12.1837), ординарный (штатный, занимающий кафедру) академик – действительный член по этому же разряду (с 4.12.1847 г.) Петербургской Академии наук (АН). По другим данным, в 1847 г. не был утвержден императором Николаем I. Почетный член Азиатского общества в Париже (1839 г.), действительный член Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете (1840 г.), Королевского датского общества северных антиквариюв (1844 г.) и Виленской археографической комиссии (1868 г.). Почетный член Казанского университета (1878 г.).

Удостоен Демидовской премии в 1846 г. за трехтомный «Монгольско-русско-французский словарь» (1844–1849 гг.). Тайный советник (1872 г.). Перевел на польский язык «Историю» Геродота, «Жизнеописания» Плутарха и «Метаморфозы» Овидия (1823 г.). Основатель монголоведной научной школы. Среди учеников О. М. Ковалевского – востоковеды Д. Банзаров (ок. 1822 – 1855), А. А. Бобровников (1821 или 1822–1865; автор «Грамматики монгольско-калмыцкого языка», удостоенной Демидовской премии), будущий академик В. П. Васильев (1818–1900), Г. Гомбоев (1818 или 1822–1863), Н. И. Зоммер (1824–1847) и др.

О. М. Ковалевский (28 декабря 1800 / 9 января 1801 г., с. Большая Берестовица Гродненского уезда Гродненской губернии, ныне Волковысский

район Гродненской области Республики Белоруссия или с. Левково Подлясского воеводства Польши, Российская империя – 26 октября / 7 ноября 1878 г., Варшава, Царство Польское, Российская империя) родился в семье униатского священника, происходившего из польских мелкопоместных дворян, по другой версии, – белорусского происхождения. Мать – польского происхождения. О. М. Ковалевский был католического вероисповедания. Имел двух братьев – Юлиана и Теодозия. Окончил Свислочскую (Гродненскую губернскую академическую) гимназию (годы учебы 1808–1817 гг.) – одно из лучших польских учебных заведений, которое находилось под попечением Виленского университета.

В биографии О. М. Ковалевского выделяют три основных этапа – виленский (1817–1824 гг.), казанский (1824–1862 гг.) и варшавский (1862–1878 гг.).

После ссылки из Вильно, в казанский период жизнедеятельности (1824–1862 гг.), заинтересовался востоковедением и радикально сменил род научной деятельности. В Казанском университете с 25 сентября 1825 г. исполнял обязанности комнатного надзирателя, с 29 января 1827 г. стал помощником инспектора. В 1825 г. был зачислен кандидатом в Педагогический институт Казанского университета, в 1825–1828 гг. изучал татарский, арабский и персидский языки. Занимался античной филологией, составлением татарского словаря, собирал материалы по истории Казанского ханства. Первыми его учителями восточных языков в университете стали И. И. Хальфин (1778–1829), Ф. (Ф. И.) Эрдман (1793–1862) и А. К. (М. М. А.) Казем-Бек (1802–1870).

В связи с подготовкой к открытию по инициативе ректора Н. И. Лобачевского кафедры монгольской словесности Совет университета направил преподавателя О. М. Ковалевского и действительного студента (академическая степень окончившего университет без отличия) А. В. Попова (1808–1865), в будущем монголоведа и калмыковеда, в научную

командировку на 4 года в Забайкалье (с базированием в Иркутске) для изучения монгольского языка и приобретения необходимой литературы для научной и учебной работы. 26 мая 1828 г. Ковалевский отправился в Сибирь, прибыл в Иркутск 15 июля 1828 г. Здесь он изучал монгольский язык, письменность, эпическую поэзию, библиотеки забайкальских дацанов. 18 января 1829 г. выехал из Иркутска в столицу Монголии Ургу (ныне Улан-Батор). 21 января был в Троицкосавске (ныне Кяхта) в Бурятии на китайской границе. После возвращения в Иркутск, следуя инструкции ректора Н. И. Лобачевского, 20 марта 1829 г. вместе с А. В. Поповым и своим иркутским учителем монгольского языка, переводчиком и востоковедом А. В. Игумновым (1761–1834) снова отправился в Бурятию, 23 марта прибыл в ее столицу Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ). Путешествовал по Забайкалью до глубокой осени, предпринимал поездки в кочевья бурят, посетил буддийские дацаны, где познакомился с бурятскими ламами, около месяца прожил в Гусиноозерском дацане (с 1809 по 1930-е гг. резиденция Пандито Хамбо-лам – глав буддийских организаций России). Вернувшись в Иркутск, О. М. Ковалевский зимой 1829/1830 г. обрабатывал материалы летних путешествий. В начале 1830 г. познакомился и подружился с русским китаеведом и путешественником, членом-корреспондентом Петербургской АН о. Иакинфом (Н. Я. Бичурин, 1777–1853), готовился к поездке в Пекин, одобренной министром народного просвещения К. А. Ливеном. Был прикомандирован к конвою XI Русской духовной миссии в Пекине (1830–1840 гг.) в качестве запасного переводчика.

8 июля 1830 г. миссия выехала из Кяхты, 14 сентября прибыла в Ургу, где Ковалевский оказался во второй раз, 5 ноября вступила на территорию Китая. Провел в Пекине семь месяцев, покинул его 6 июня 1831 г. и 3 сентября вернулся в Кяхту. Срок командировки Ковалевского и Попова истек в мае 1832 г., когда им предстояло прибыть в Петербург для экзамена у первого российского (немецкого происхождения) академика-монголоведа

Я. И. Шмидта (Jsaak Jacob Shmidt, 1779–1847). С разрешения ректора университета Н. И. Лобачевского и попечителя Казанского учебного округа в 1829–1845 гг. М. Н. Мусина-Пушкина, неизменно поддерживавшего Лобачевского и заботившегося о преподавании восточных языков, О. М. Ковалевский продлил командировку. 4 апреля 1832 г. отправился в г. Селенгинск в Бурятии для углубленного изучения грамматики литературного монгольского языка и тибетского языка, необходимого для чтения буддийских богословских сочинений. 1 октября 1832 г. переехал в Троицкосавск для подготовки к открытию русско-монгольской войсковой школы для детей бурятских старшин (официально открылась в сентябре 1833 г.). Четверо ее лучших выпускников: Доржи Банзаров, Гырыл Будаев, Доржи Буянтуев и Цогто Чимитов прибыли в Казань в 1835 и в начале 1836 г., впервые для бурятских детей, были приняты в 1-ю Казанскую гимназию.

28 января 1833 г. Ковалевский прибыл в Иркутск, 14 марта – в Казань, где представил отчет о результатах поездки – изучал монгольский язык и литературу, историю и культуру монголоязычных народов, в том числе буддизм; переписывал и переводил монгольские тексты, собирал монгольский и бурятский фольклор; осваивал основы китайского, тибетского, санскритского и маньчжурского языков; были приобретены монгольские, китайские и тибетские рукописи и ксилографы для библиотеки университета (189 монгольских и тибетских трактатов в 1433 книгах, из них 48 рукописных) и 1272 предмета восточной культуры (собрание китайских, маньчжурских, монгольских и ламских костюмов, утварь и произведения искусств); подготовлены «Монгольская грамматика», большой «Монгольско-русский словарь», сделан перевод эпической поэмы «Гэсэр». Во время путешествия О. М. Ковалевский встречался с сосланными декабристами.

Вся деятельность О. М. Ковалевского в казанский период была направлена на изучение малоисследованных проблем истории и культуры монгольских народов, привлечение внимания научной общественности к

этим проблемам. Разработанные на кафедре монгольского языка Казанского университета, первым заведующим которой был О. М. Ковалевский, основополагающие труды и учебные пособия в области монголоведения, буддологии и тибетологии вошли в золотой фонд мирового и отечественного востоковедения.

После открытия в 1855 г. в Санкт-Петербургском университете Восточного факультета она стала кафедрой монгольского и калмыцкого языков этого университета и входила в Монголо-калмыцко-маньчжурский разряд. Первым ее заведующим в Петербурге был А. В. Попов (до этого профессор кафедры калмыцкой словесности Казанского университета). Ныне это кафедра монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ, которая, таким образом, ведет свою историю от возглавляемой О. М. Ковалевским кафедры монгольского языка в Казанском университете.

На сегодняшний день известно местонахождение трех дневников монголоведа О. М. Ковалевского, в которых отражена его научная командировка в Восточную Сибирь, Забайкалье, Монголию и Китай (1828–1833 гг.). Они хранятся по разным архивохранилищам: в Вильнюсе, Казани и Санкт-Петербурге.

Эпистолярное наследие О. М. Ковалевского достаточно велико. Оно включает объемную переписку ученого с администрацией Казанского учебного округа, главным образом, с его попечителем, М. Н. Мусиным-Пушкиным, и Советом Казанского университета во время его командировки на Восток. В архивах отложились его письма из Сибири. Интерес представляет переписка на русском, английском, польском, французском языках с коллегами и иностранными учеными различных научных центров. Можно предположить, что сохранилась лишь незначительная часть переписки, оставшаяся в архиве ученого. Однако и она показывает широту и глубину увлечений и занятий монголоведа. Эпистолярное наследие О. М. Ковалевского хранится в Государственном архиве Республики Татарстан, в

Отделе редких книг и документов библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета, Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН Санкт-Петербурга и др. Среди них несколько уникальных и необычных писем. Связаны они с английскими миссионерами.

Также архивные материалы О. М. Ковалевского заслуживают самого пристального внимания. И дело не только в том, что они разбросаны по коллекциям в разных городах и странах и создают немалые трудности для исследователей биографии и научного творчества ученого, самое главное состоит в их большой значимости для истории науки. В них собраны материалы, представляющие интерес для современного монголоведения, музееведения, культурологии. Основными хранилищами полностью неопубликованного научного наследия монголоведа являются Государственный архив Республики Татарстан, в котором хранится богатый архив, связанный с командировкой ученого в Центральную Азию, фонд библиотеки Вильнюсского университета – в нем имеются дневник 1832 г. и так называемые «Записные книжки», а также большое количество материалов на монгольском языке, которые пока не исследовались монголоведами.

В Санкт-Петербурге имеется четыре архива, где содержатся рукописные материалы О. М. Ковалевского и документы, имеющие отношение к нему. Это Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Отдел рукописей библиотеки СПбГУ; СПб филиал Архива РАН, Архив востоковедов ИВР РАН и др.

Ни один фонд О. М. Ковалевского не описан полностью, не сделан обзор документов, хранящихся в нем. Издавались лишь выбранные материалы из различных фондов.

Во многом архивное наследие О. М. Ковалевского будет издано в планируемой монографии «Биография и наследие монголоведа О. М.

Ковалевского», подготовленный при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Источники и литература

1. *Талько-Гринцевич Ю.* К 100-летию со дня рождения Осипа Михайловича Ковалевского. Иркутск, 1902; *Полянская О. Н.* Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (I-я половина XIX века). Улан-Удэ, 2001; *Валеев Р. М., Кульганек И. В.* Россия – Монголия – Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского 1830–1831 гг. Казань, 2006; Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828–1833 гг.) / подготовка к изданию, предисловие, комментарии и указатели О. Н. Полянской. Улан-Удэ, 2008; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Фонд О. М. Ковалевского в библиотеке Вильнюсского университета // Народы Азии и Африки. 1990. № 2. С.137–140; *Улымжиев Д.* Учитель школы монголоведов // Байкал. 1990. № 5. С.138–143; История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 118–139, 274–284; *Улымжиев Д. Б.* О. М. Ковалевский – основатель научного монголоведения в России // Archiv orientalni. Praga. 1990. № 4. p. 362–375; Ulymzhiev D. O.M.Kovalewski founder of scientific Mongols Studies in Russia. Bulletin The iams international association for mongol studies. Ulaanbaatar, 1991. No 2 (8); *Улымжиев Д. Б.* Страницы отечественного монголоведения: Казанская школа монголоведов. Улан-Удэ, 1994; *Успенский В. Л.* Монголоведение в Казанской духовной Академии // Mongolica-III: Из архивов отечественных монголоведов XIX – начала XX веков. СПб., 1994. С.11–17; Российские монголоведы (XVIII – начало XIX вв.). Улан-Удэ, 1997; *Шамов Г. Ф.* Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983; *Kotwicz W.* Jozef Kowalewski – orientalista (1801–1878). Wroclaw, 1948; Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие. Казань, 2004, и др.

Приложение

АВ ИВР РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1а, 1б.

Л. 1

[§] 1. Каждый народ имеет свое прошлое, свою историю. Не одни греки и римляне, индийцы и китайцы внесены в скрижали бытописания; монголы и тунгусы занимают в них приличное место, сообразно с путем, который они совершили на предначертанном им поприще. Известно, что не все человеческие общества успели ознаменовать свою жизнь высоким развитием понятий о религии, философии, политике и искусствах; не все успели пройти разные пути гражданственности; некоторые до сего времени остаются звероловами или пастухами. К последнему разряду принадлежат *монголы*, которые после многих переворотов судьбы при значительной образованности соседей и теперь питаются избытками от стад своих и служат важным оплотом для китайской империи, а по особенному стечению обстоятельств эти вооруженные пастухи вместе

Л. 1 об.

с иноземной религией получили богатую литературу, которая далеко превышает настоящую их потребность.

2. Непрерывная борьба с природой и соседями доставила монгольскому племени особенный, почти неизгладимый тип материальности, которая, прививаясь к другим элементам жизни инородных оседлых врагов, принесла им чистую пользу взамен неисчислимых бедствий, причиненных от меча и варварства чад степных. Между тем монголы в своих родных пустынях, почти не смешиваясь с посторонними группами рода человеческого, с течением времени слились в одну массу, простую, неподвижную прозябающую от недостатка питательного соку, пережившую свое величие как развалины вокруг своего памятника. Но это громадное среднеазиатское племя ожидает еще животворной силы, которая воскресит его и поведет неведомым для нас путем! Впрочем, перед нами раскрывается одно

прошедшее, и мы обязаны рассмотреть минувшие судьбы монгольского народа, который в свое время играл важную роль в исторической драме.

Л. 2

3. Историю монголов разделить можно на три периода. В первом из них, за два столетия (220) до нашей эры по XIII век (1206) по Р.Х., часть Средней Азии, почти погруженная в дикости, волнуемая от внутреннего неурядиства, как горнило огнедышащей горы, растопляла массы отдельных родов и ватагами хищных орд забрасывала в особенности Северный Китай. Извилистая и медленная политика владыки Подсолнечной империи истощала все свои силы на укрощение бездомного и быстрого, как молния, с места на место перелетавшего врага. Система мира и родства, придуманная китайцами, не в состоянии была остепенить номадов: семена цивилизации, занесенные из Китая и Индии, не могли окрепнуть в сыпучих песках Средней Азии, где в нищете рос и мужался гигант, будущей завоеватель Азии и части Европы.

Во втором периоде является предприимчивый герой под именем Чингис-хана, который, сплотив всю массу монгольских родов, опустошил Северный Китай, покорил Среднюю Азию, на развалинах богатых и людных царств положил основание обширной монархии, обхватившей и Восточную Европу. Эта монархия распалась

Л. 2 об.

потом на четыре части, из коих одна (Китай, Тибет и Монголия до Алтайских гор), сделавшись достоянием непосредственных преемников Чингис-хана, имевших пребывание в Пекине, раздавала престолы в остальных трех ханствах, а именно: чагатаидам в странах от Алтая до Джейхуна, джучидам на севере Каспийского и Черного морей, тулуидам в Персии. Но, несмотря на все усилия императоров упрочить политическое и религиозное единство в этом гигантском государстве, случайно образованном из многих царств, из разнородных стихий, с пресечением завоеваний чрезвычайно быстро созрели

семена разрушения. Обладание отдельными престолами сопряжено было с неумолкаемой борьбой соискателей их, Чингисхановых потомков, особенно между чагатаидами и джучидами, между тем как подданные их постепенно теряли воинственный дух, религию и весь свой родовой характер. Владычество чагатаидов прекратилось в половине XIV в., джучиды перестали царствовать в конце XV столетия; около 1336 года судороги безначалия обрушили могущество монголов

Л. 3

в Персии, а в 1368 [г.] династия монгольская Юань принуждена была бежать из Пекина в прежние свои среднеазиатские пустыни и там ожидать новых ударов, новых бедствий со стороны своих беспокойных родовичей. Изнеженные и развращенные в богатом Китае монголы возвратились в обнаженные степи нищими, порочными, лишенными правильной гражданственности. Остановленными пронырливыми своими руководителями — ламами, они забыли даже буддизм, сильно обуздывавший кипучие страсти номадов. Итак, в 162 года (1206–1368) отжила свой век монгольская монархия, не умевшая отыскать точку опоры для своего могущества.

В третьем периоде (1368–1691) раздробленная Монголия в родных своих кочевьях увидела новое брожение орд, из которого проистекли разные союзы, боровшиеся то между собой, то с Китаем, пока хитрая политика маньчжуров во время войны с Китаем не вовлекла в свои сети монголов и потом не поработила их совершенно. С сего времени открылось новое поприще для деятельности императоров (богдыханов) из династии Цин в устройстве

Л. 3 об.

новых их подданных, монголов, которые, под иноземным игом все приняли буддизм с его литературой, стали жить мирно и сделались немаловажным оплотом для китайской империи.

В таком размере желаем пересказать минувшую монголов, не скрывая однако трудности нашего предприятия от неполноты сведений, нужных и необходимых для историка.

4. Откуда же станем почерпать сведения об истекшей жизни монголов? Откуда наберем фактов в основание историческому рассказу? — От разоренных соседей и народов, завоеванных монголами. От них-то мы [и] получили обильные материалы для составления понятия о страшных происшествиях, которыми ознаменовался кровавый путь, проложенный монголами через иноплеменные государства. Нет сомнения, что сего рода сведения могли быть иногда преувеличены хвастливыми писателями или изуродованы народной ненавистью. Поэтому для исторической критики открывается здесь обширное поле, едва приготовленное к возделыванию.

Л. 4

Источники и пособия для изучения истории монголов разделить можно по народам, доставившим нам весьма разнообразные подробности о судьбе сего племени. Начнем с азиатцев, и прежде всего с китайцев.

При частых внутренних переворотах в империи китайцы не переменили своего образа писать историю: они излагают прошедшее сухо, без прикрас и философского взгляда; смотрят на человека как на существо постороннее, подобно натуралистам, не проникая во внутреннюю жизнь его; хвалят или осуждают исполнение или пренебрежение моральных обязанностей, рассказывают события в хронологическом порядке без прагматической связи, иногда пристрастно, неверно, всегда хладнокровно. Скрижали китайского бытописания покрываются как бы сеткой, которой однообразные и правильные ячейки наполнены условленными выражениями для описания известного происшествия, отрезанного от прошедшего и не связанного со следующим. Это просто дневные заметки под сильным влиянием местного взгляда на человека и природу. И, несмотря на эти общие недостатки,

китайские летописи любопытны в высокой степени, потому что носят на себе характер современности событиям

Л. 4 об.

и заключают драгоценные и единственные сведения о смежных народах.